

УДК 343.01

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ****Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА, К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ**
(Полоцкий государственный университет)

Общественная опасность признается в доктрине уголовного права качеством, присущим исключительно преступлению, позволяющим отграничить его от иных правонарушений, в первую очередь, от административного деликта. Данный признак указан в законодательном определении преступления, данном в Уголовном кодексе Республики Беларусь. Тем не менее, существуют сомнения в необходимости и даже целесообразности внесения данного признака в законодательное определение преступления и его употребления в доктрине уголовного права.

Ключевые слова: общественная опасность деяния, преступление, административное правонарушение, разграничение деяний.

Введение. Проблема разграничения правонарушений, в особенности преступлений и административных правонарушений (административных деликтов), имеет существенное теоретическое и прикладное значение – корректная квалификация является необходимым условием адекватного и эффективного реагирования на противоправные деяния (в том числе на преступления) за счет экономии уголовной репрессии и обоснованного, точного (определенного) и законного применения мер правового воздействия. Однако как юристы мы осознаем, что грань между рядом преступлений и административных правонарушений может иметь конвенциональный характер (являясь продуктом некоего консенсуса) либо быть неявной ввиду трудностей понятийного характера, тем самым обуславливая проблемы законодательства и правоприменения. Потому всегда возможным остается восприятие закона населением как условного и потому необязательного ввиду неопределенности и выводимой из этого неабсолютности, а его применения – как несправедливого. Тем самым под угрозой оказывается авторитет действующего закона и права в принципе как социального института, а также правотворческих и правоприменительных установлений.

Практика применения норм публичного права, в особенности норм, обладающих максимальным потенциалом репрессивности ввиду потенциала существенных ограничений прав личности (уголовного и административно-деликтного), безусловно, зависит от научной доктрины, положенной в основание данных отраслей права, а доктрина, в свою очередь, обусловлена значимыми политическими и социальными влияниями. Ключевыми категориями, которые одновременно выражают доминирующую правовую доктрину и определяют практику создания и применения права, являются законодательные определения преступления и правонарушения. Неизбежная динамика общества и соответственно системы права требует своевременного критического пересмотра сложившихся теоретических положений, в том числе в части избавления от идеологичности (понимаемой как негибкость/ригидность доктрины и/либо собственно норм права). Право в принципе склонно к консервативности, так как направлено скорее на социальную статику (определение и поддержание некоего социального порядка), чем на социальную динамику (констатацию изменения социального порядка и трансформацию законодательства).

Анализ понятий административного правонарушения и преступления, данных в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) и Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП), позволяет сделать вывод о том, что различие между правонарушением и преступлением заключается в двух признаках: формальной определенности деяний – закреплении признаков деяний в соответствующих нормативных правовых актах (преступлений – в УК Республики Беларусь, административных правонарушений – в КоАП) и в общественной опасности деяния как признаке преступления. Данный способ определения носит в науке название формально-материального.

Судя по представленной в указанных нормативных правовых актах логике, по сути единственным *сущностным* основанием разграничения преступления и административного правонарушения является *общественная опасность* как признак преступления и *вредность последствий* как признак правонарушения (последний указан в содержании вины в административном правонарушении, а не в качестве объективного признака – ст.ст. 3.2, 3.3 КоАП), а формальное закрепление признаков конкретного деяния в соответствующем нормативном правовом акте, определяемые виды юридически значимых последствий их совершения – следствие наличия либо отсутствия этих признаков (качеств). В качестве признака административного правонарушения также определена *противоправность деяния* – её нет в определении преступления, однако мы осознаем, что она предполагается поглощенной общественной опасностью преступления, как бы заведомо включенной в нее.

Признак общественной опасности является по сути системным (системообразующим) качеством преступления (если понимать под системой состав преступления – *corpus delicti*), так как он предполагается проявленным как в объективной стороне совершаемого деяния, так и в его субъективных признаках. Так, Н.Ф. Кузнецова полагает, что качество общественной опасности «разлито» во всех признаках преступления [1, с. 17]. И, действительно, при квалификации деяния, а также при вменении лицу факта совершения преступления в процессе доказывания по уголовному делу необходимо установление осознания лицом общественной опасности совершенного им деяния, предвидения наступления общественно опасных последствий и отношения к ним (умысел в преступлениях, связанных с наступлением общественно опасных последствий), осознания общественной опасности деяния и желания его совершения (умысел в преступлениях, не связанных с наступлением общественно опасных последствий), предвидения/непредвидения возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния и отношение к ним (неосторожность в преступлениях, связанных с наступлением общественно опасных последствий) и неосознание общественно опасного характера своего действия/бездействия (неосторожность в преступлениях, не связанных с наступлением последствий) [2].

В правоприменительной практике факт осознания лицом общественной опасности деяния (преступления) либо его последствий по факту не выясняется, будучи замененным осознанием уголовной противоправности – в рамках принципа презумпции знания уголовного закона. Последний не закреплен в законодательстве, однако применяется. Осознание лицом общественной опасности совершаемого деяния признается доказанным посредством установления объективных и субъективных признаков конкретного состава преступления (необходимо вспомнить о том, что общественная опасность понимается как интегральное качество преступления). Однако существуют предложения по введению его законодательной формулировки непосредственно в текст уголовного закона, что мы находим, например, в проекте Уголовного кодекса Украины 2020 года (ст. 1.1.3. Контрольного проекта по состоянию на 19.10.2020). Знание положений уголовного закона предусмотрено обеспечивать установленным порядком опубликования [3]. Необходимо заметить, что осознание отдельных признаков деяния, впрочем, как и осознание их совокупности не тождественно осознанию *интегральной оценки* самого деяния, в качестве которой выступает общественная опасность. Презумпция знания уголовного закона также не решает обозначенной проблемы – невозможно представить, что рядовой гражданин в состоянии уяснить все тонкости содержания субъективных и объективных признаков конкретного преступления, в особенности те признаки, которые носят оценочный характер и по сути выступают в качестве продукта высокого уровня научной абстракции либо конвенции и могут менять свое значение даже при неизменности самого уголовного закона.

При идентификации деяния, носящего признаки административного правонарушения, установлению подлежит наличие в нем объективных и субъективных признаков правонарушения (указанных в конкретной норме КоАП) – в зависимости от формы вины и законодательной конструкции правонарушения, установлению подлежат осознание противоправности совершаемого деяния, предвидение его вредных последствий и отношение к ним (стст. 3.2 – 3.4 КоАП) [4]. Далеко не все ученые полагают признак общественной опасности присущим исключительно преступлению и не присущим административному правонарушению. Возможно выделить несколько принципиальных позиций по этому вопросу. Согласно одной из них свойством общественной опасности обладают лишь деяния, которые определены в качестве преступлений (Н.Д. Дурманов, А.В. Наумов). Иная точка зрения – противоположная – состоит в том, что административные правонарушения хотя и не обладают признаком общественной опасности (В.Н. Ершов, О.И. Моргун), однако обладают свойством общественной вредности. И, наконец, существует мнение, что как административное правонарушение, так и преступление являются общественно опасными деяниями, но различаются степенью этой опасности (П.И. Гришаев, А.И. Рарог, Е.Р. Азарян).

В связи с усмотренными авторами и упомянутыми выше некоторыми теоретическими и прикладными проблемами считаем необходимым обратиться к признаку общественной опасности как к критерию разграничения административных правонарушений и преступлений, ведь этот вопрос имеет существенное значение как для законотворческой, так и для правоприменительной деятельности.

Основная часть. Хотя понятие общественной опасности традиционно принадлежит лексикону уголовного права и имеет довольно устоявшееся значение – выработанное либо принятое – осуществление критически направленного исследования требует тщательности и порой пересмотра привычных понятий. В связи с этим исследование сущности общественной опасности разумно начать с обращения к родовому относительно понятия «общественная опасность» понятию «опасность». Последнее является словом естественного языка, то есть не является термином (не относится к специальному лексикону), носит общеупотребительный характер, в силу чего может быть наделено многими значениями и различным образом трактоваться. В словарях общей лексики как источниках наиболее употребляемых значений слов естественного языка (которые закономерно являются базисом профессиональной лексики, однако неизбежно носят и обиходный характер) содержатся во многом схожие определения понятия опасности. Исследователь П.В. Толстов провел их анализ, что позволило ему прийти к следующим выводам: опасность понимается

как качество опасного, способность причинить вред, несчастье либо возможность чего-либо опасного, какого-нибудь несчастья, вреда; опасность есть состояние либо свойство; опасность есть возможность, угроза чего-либо очень плохого, наступление какого-либо несчастья. Ученый полагает, что все значения понятия «опасность», которые он включил в анализ, позволяют определить следующие общие для всех определений признаки: опасность есть состояние объективной действительности (в терминах логики опасность является объективным понятием); опасность всегда ограничена по времени и месту существования; это состояние характеризуется наличием явлений или процессов, обладающих поражающими и разрушительными свойствами, способными нанести вред конкретному человеку, причинить ущерб имуществу или окружающей среде, либо потенциальной возможностью их возникновения и развития (вредоносность) [5, с. 147]. Закономерно, что понятие опасности всегда употребляется совместно с указанием какого-то предмета, то есть мы оцениваем опасность чего-либо/кого-либо, поскольку опасность всегда есть свойство, присущее деянию, предмету либо явлению. Одновременно логически всегда предполагается опасность для некоего субъекта либо объекта, имеющего для оценивающего субъекта ценность, значение (как минимум, а может быть и для многих субъектов). Здесь мы можем видеть явный оценочный характер (ценностную природу) данного понятия – определение чего-либо в качестве опасного либо безопасного зависит от отношения оценивающего субъекта к объекту либо субъекту, подвергающемуся опасности. Как верно указывает упомянутый выше автор, понятие опасности весьма близко по смыслу таким понятиям, как «вред» и «ущерб», однако они не тождественны – причиненный вред и ущерб относятся к категории последствий, а не к категории возможности наступления последствий [5, с. 147]. В этой трактовке понятие «опасность» скорее тождественно понятию «вредоносность».

Итак, в качестве существенных признаков опасности как родового понятия относительно понятия «общественная опасность» (как признака преступления) должны быть отмечены: опасность есть свойство (деяния, явления); опасность является объективным понятием (хотя признание чего-либо в качестве опасного и является актом оценки, осуществляемым ценностным субъектом); оценка относится к реальному, действительному, а не мнимому свойству деяния либо явления; опасность всегда носит ограниченный характер (по времени, месту, затронутым субъектам); опасность состоит в способности какого-либо объекта либо процесса причинять вред чему-либо ценному, значимому (что снова отсылает нас к оценивающему субъекту).

Далее необходимо перейти, собственно, к понятию общественной опасности, которое непосредственно связано с решением поставленной в данном исследовании проблемы. Обратимся к работам авторитетных ученых-криминалистов, которые легли в основание современной концепции общественной опасности в уголовном праве. Общественная опасность является видом опасности, а потому, помимо всех родовых признаков, указанных выше, обладает и видовыми особенностями, обуславливающими ее специфику. При рассмотрении подходов к общественной опасности как к категории отечественного уголовного права необходимо учитывать указанное выше свойство опасности – ее ценностную соотнесенность. Это значит, что признание чего-либо (чьего-либо деяния) общественно опасным либо общественно неопасным (общественно вредным, общественно безвредным, общественно полезным и т.д.) не является абсолютным, то есть неизбежно оказывается обусловленным ценностями того либо иного общества, будучи определяемым в конкретном политическом, культурном, социальном контексте.

А.А. Пионтковский, классик советского уголовного права (традиция которого все еще влиятельна), определял общественную опасность в период декларированного социалистического общества, что отразилось на данном им значении понятия. Согласно его мнению, общественная опасность деяния порождена тем, что оно или непосредственно наносит вред социалистическим общественным отношениям или заключает в себе возможность причинения соответствующего ущерба [6, с. 99]. Данная трактовка почти в неизменном виде (за исключением «социалистичности» общественных отношений, которым причиняется или может быть причинен вред посредством совершения деяния) легла в основание современной уголовно-правовой доктрины. Однако в приведенном выше определении проявляется разнонаправленность – речь идет и о причиненном отношении вреде (что не может быть признано опасностью), и о возможности причинения такого вреда (что сопоставимо с опасностью). И даже если указанную разнонаправленность оценки возможно понимать так, что совершение преступления причиняет вред конкретному лицу, тем самым заключая в себе угрозу причинения вреда общественным отношениям, это не устраняет логического противоречия в трактовке общественной опасности, так как не всякое преступление причиняет в действительности вред субъекту. Кроме того представляется чрезвычайно сложным утверждать безусловное наличие вреда либо потенциала угрозы причинения вреда общественным отношениям, в *единичном преступлении*.

Ю.Е. Пудовочкин, современный российский ученый, толкует общественную опасность как свойство действия либо бездействия лица, которое является «негативным социальным отклонением, угрожающим стабильности общества и безопасности составляющих его членов» [6, с. 99–100]. Именно в этом свойстве деяния, являющимся его внутренним свойством и выражающимся в объективной способности деяния человека причинять или создавать угрозу причинения вреда, Ф.Н. Сотсков видит социально значимое юридическое последствие – запрет совершения деяния под угрозой наказания [7, с. 10]. Э.А. Васильев также рассуждает об общественной опасности как о сложной социально-правовой категории, которая призвана отражать такое качество противоправного деяния, как угроза условиям существования общества либо их нарушение [6, с. 100].

Мы можем увидеть, что современная концепция общественной опасности, в отличие от исторически ей предшествующей, не апеллирует к конкретному типу общества, но к стабильности любого общества, безопасности его членов, сложившимся условиям его существования как к ценностям, требующим охраны. Ценностный характер (ценностное значение) это понятие приобретает также в связи с обозначением преступления как негативного отклонения (следует полагать, речь идет о социальной девиации). Однако использование понятия «отклонение» представляется достаточно проблемным, так как может случиться, что деяние, определенное уголовным законом как преступление, окажется распространенным или даже социально нормальным (совершаемым и приемлемым большинством), что по логике должно устранить его общественную опасность. Однако, как мы знаем, на деле такая ситуация автоматически не обуславливает декриминализации деяний, так как нет абсолютного совпадения социальных норм и норм права ввиду различности их природы. В связи с этим необходимо проявлять крайнюю осторожность, включая социологические понятия в решение юридических задач, помнить о различной природе социальных норм (как наиболее распространенном поведении – сущем) и права (как о должном). Здесь мы можем наблюдать достаточно неясный подход к охраняемым уголовным законом общественным отношениям (ценностям), можно сказать, имеет место формальный подход. Хотя его возможно объяснить некой оппозицией традиции советского уголовного права, которое обозначало качество охраняемого строя, общество, в то время как после этот строй был осужден.

Следует отметить, что в уголовном законодательстве иных стран мира указание в качестве признака преступления общественной опасности решается различным образом. Наиболее характерным является указание данного признака для стран так называемой семьи постсоветского права, хотя иногда и с некоторыми видоизменениями. М.Р. Рудковская полагает, что правовые системы Литвы, Латвии и Эстонии имеют «родимые пятна» этой семьи [1, с. 30–31]. Так, в Уголовном кодексе Литовской Республики мы находим не понятие общественной опасности, а понятие «опасность». В этом законе преступные деяния подразделяются на преступления и проступки (ст. 10). Определение понятия преступления дано в ст. 11, и его признаками являются опасность, запрещенность указанным нормативным правовым актом и наказание в виде лишения свободы. В качестве уголовного проступка в ст. 12 определено опасное и запрещенное кодексом деяние, за совершение которого предусмотрено наказание, не связанное с лишением свободы, за исключением ареста [8]. В Уголовном кодексе Молдовы преступление определяется как *наносящее вред деяние*, предусмотренное уголовным законом и уголовно наказуемое [9]. Здесь мы можем увидеть, вероятно, влияние традиции, предполагающей включение в определение понятия преступного деяния признака опасности (следует полагать, общественной опасности), однако при этом отказ от ценности общества как правовой ценности, охраняемой уголовным законом или, по крайней мере, ценности неявной. При этом наблюдается характерное для западноевропейского подхода разграничение деяний по виду и мере наказаний. Описанный подход может быть объяснен за счет переходности правовых систем указанных стран в связи с их вхождением в Европейский Союз либо перспективой такого вхождения.

Что касается уголовного законодательства стран Европы, которые никогда не входили в состав СССР, однако в уголовном законодательстве которых дано определение преступления, то в этих определениях признак общественной опасности, либо какой-либо опасности в принципе, либо вреда отсутствует. Так, в Уголовном кодексе Германии уголовные правонарушения делятся на 2 категории – тяжкие (*Verbrechen*) и менее тяжкие (*Vergehen*). Их определяют как преступления и проступки [10, с. 41]. Первые определены как противоправные деяния, за которые предусмотрено минимальное наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год, менее серьезными признаются неправомерные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком менее 1 года либо штраф [11]. В Уголовном кодексе Швейцарии также закреплены два типа преступных деяний, различающихся по признаку тяжести наказания. Так, преступлениями являются деяния, подлежащее наказанию в виде лишения свободы на срок более 3 лет, а проступком – деяние, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет или штраф [10, с. 42]. В Уголовном кодексе Франции основанием отнесения деяний к преступлениям, проступкам либо нарушениям является их тяжесть [12, с. 24–44; 13], которая также определяется исходя из назначаемого наказания.

Следует отметить, что деление преступлений на категории при уходе от материального либо формально-материального определения преступления является традиционным для Западной Европы явлением. Как отмечает А.В. Серебренникова, классификация преступных деяний возникла в рамках французского уголовного права. Уголовный кодекс Франции 1810 года (*Code Penal Imperial*) определил три категории преступных деяний: *crime* – *délit* – *contravention*, которая была освоена иными европейскими государствами континентальной правовой семьи [10, с. 41].

По какой причине страны Западной Европы не используют формально-материальное определение преступления? В приведенных выше примерах мы находим способ решения проблемы разграничения правонарушений по формальному признаку, который, тем не менее, указывает на различную правовую оценку тех либо иных деяний. Возможно ли используемые при формальном способе определения понятия преступления признаки считать непрямым индикатором общественной опасности деяния либо ее меры? Ведь по сути мы находим лишь формальные признаки преступного деяния и никакого прямого указания на материальный признак. Однако вид и мера наказания может быть воспринята как его мерило, аналогично признаку обще-

ственной опасности в отечественном уголовном праве. По сути такого рода классификация носит технический характер, имея целью определить принципиальные основания для группировки преступлений и универсализировать привлечение к уголовной ответственности, придать применению права систематический и соразмерный характер. Возможно предположить, что такой подход основан на отказе от понятия малозначительности и одновременно от оценочных понятий, которые дают свободу трактовки деяний и одновременно обуславливают возможность злоупотреблений со стороны применяющего право субъекта. Кроме того, следует признать, что уголовный закон для большинства граждан непонятен либо малопонятен и большинство людей не могут в полной мере осмыслить содержание уголовно-правовых запретов. Иными словами, уголовный закон является своего рода инструкцией для специалистов в области права.

Различия культурной, социальной и политической реальности порождают различные подходы к формулированию понятия преступления. Вполне закономерно, что формально-материальный подход к определению понятия преступления и правонарушения, традиционный для большинства постсоветских стран, выражает традицию, которая отлична от традиции стран Западной Европы (даже учитывая, что эти страны принадлежат к той же правовой семье). Многие ученые, приложившие усилия к формулированию либо уяснению оснований формально-материального определения преступления, едины в том, что общественная опасность выражает социальную сущность преступления, тем самым указывая на основания криминализации. Формальное определение такового значения не имеет, его функция ограничена необходимостью обеспечения законности и запретом на аналогию в уголовном праве. Ряд ученых полагает, что в результате отказа от указания в качестве существенного признака преступления его материального признака – общественной опасности – потеряется его «антиобщественная сущность» и станет неясно, по какой причине законодательный орган криминализирует одно деяние и декриминализирует иное. Однако для рядового гражданина (если обратиться к превентивной функции уголовного закона) такое абстрактное понятие как «общественная опасность» не несет никакого четкого содержания. Тем более неясно, каким образом упоминание общественной опасности может прояснить вопрос с основаниями криминализации и декриминализации, и при формальном подходе (ограничении определения преступления нормативным признаком) «теряется его антиобщественная сущность».

В связи с этим следует полагать, что высказанные опасения не имеют достаточных оснований. Обоснуем данное суждение. У формально-материального определения есть и иная серьезная причина – оно дает возможность правоприменяющим субъектам определять наличие либо отсутствие в деянии признаков состава преступления на основании толкования оценочных признаков. В этой связи поднимается проблема множественности оценочных признаков в уголовном законе. Признак малозначительности деяния скорее открывает дополнительные основания для оценки правоприменителем конкретного деяния и соответственно может осложнить предметность понимания преступления, определенность его содержания. Факт наличия оценочных понятий (оценочных признаков) в уголовном праве может быть различным образом оценен. По мнению В.Н. Кудрявцева, использование в уголовном законе оценочных понятий неизбежно – таким образом, как отмечает И.Ф. Козаченко, оценочные понятия придают уголовному закону динамизм, являются формой эластичности права. Однако, как отмечает Е. Коротич, оценочные признаки в уголовном законе являются проявлением неоднозначности [14, с. 46].

Укажем на несколько прикладных проблемных, по мнению авторов, моментов, которые также вызывают сомнения относительно возможности использования признака общественной опасности для разграничения преступлений и административных правонарушений. Речь пойдет об институте административной преюдиции. Так, при совершении лицом ряда деяний, предусмотренных КоАП, повторно в течение года с момента привлечения его к административной ответственности, наступает уголовная ответственность. Однако каким образом повторность тождественного деяния меняет его качество, придавая ему общественную опасность? Необходимо заметить, что большинство постсоветских стран отказались от института административной преюдиции по причине явного противоречия в вопросе принципиальной качественной оценки по сути тождественного противоправного деяния. Точка зрения, на которой стоит современный белорусский законодатель, вполне может быть понята, если она основана на мнении, согласно которому административные правонарушения также обладают признаком общественной опасности. В таком случае остается неясным основание отграничения преступлений и административных правонарушений. Наличие административной преюдиции в системе законодательства вносит двусмысленность. С одной стороны, данный институт позволяет добиваться целей юридической ответственности без применения мер уголовной ответственности, что положительно сказывается на дальнейшей социализации гражданина и способствует формированию должного правосознания. Потому данный институт в какой-то мере служит гуманизации уголовного законодательства, снижению числа людей с преступным прошлым. С другой стороны, насколько возможно обосновать адекватность и справедливость применения разных мер правового реагирования на одно и то же деяние? Как отмечала в свое время Н.Ф. Кузнецова, «количество неправомерных правонарушений не может перерасти в преступное качество, как сто кошек не могут приобрести качество тигра» [15].

Нередко разграничение административных правонарушений и преступлений осуществляется по количественным оценкам – размеру причиненного вреда (который автоматически наделяет противоправное

деяние признаком общественной опасности). Однако каким образом количественная характеристика совершаемого деяния изменяет качество деяния?

Отдельным важным и одновременно проблемным и малоизученным вопросом является общественная опасность лица, совершившего преступление, о которой упоминается в ст. 87 УК Республики Беларусь [2] и которая влияет на оценку любого деяния (в том числе в процессе криминализации), что свидетельствует не только о значении объективных и субъективных признаков конкретного преступления, но и о иных, не представленных в законе характеристиках лица, совершившего преступление. Таким образом оказывается значимым не только само деяние, но и личность, его совершившая, что представляется достаточно сомнительным – мы реагируем не только на деяние, но и на личность (а не на форму вины, мотив, цель). По сути личность выходит за пределы состава преступления (например, квалификация повторного совершения преступления) и в оценку конкретного деяния входить не должна.

Заключение. В качестве итога представленных выше размышлений полагаем необходимых резюмировать некоторые проблемы и гипотезы.

1. Согласно законодательным определениям преступления и административного правонарушения, а также доминирующей доктрине уголовного права общественная опасность является качеством, присутствующим исключительно преступлению. Вместе с тем, судя по иногда явно конвенциональной границе, разделяющей преступление и правонарушение, ряд ученых полагает, что административные правонарушения также необходимо признать обладающими общественной опасностью, а может быть она является свойством всех правонарушений. В таком случае следует вести речь о различной степени общественной опасности и не указывать ее в качестве признака преступления.

2. Признак общественной опасности традиционно расширительно трактуется в постсоветской научной традиции, так как под опасностью понимается не только возможность наступления неких последствий, признанных законодателем в качестве угрожающих обществу, но и действительно причиненный вред.

3. Формально-материальное определение преступления характерно для уголовных законов постсоветской семьи права, оно пришло на смену аналогии уголовного закона, ограничив (однако не устранив в полной мере) определенные дискреционные полномочия правоприменяющих субъектов.

4. Материальный признак преступления дает возможность изменения подхода к толкованию оценочных понятий (наполнению их конкретным содержанием) и одновременно обуславливает неопределенность содержания нормы, что порождает ряд значимых практических сложностей.

В такой ситуации мы не можем рассчитывать на признание права и правоприменения справедливым, ведь разобраться в толковании уголовного закона может только специалист, а опубликование норм не способно обеспечить их доступность (понимание всеми субъектами, на которых они потенциально распространяют свое действие). Если для юристов многие нормы представляются спорными в толковании, каким образом рядовой гражданин может их постичь? Разработка и опубликование постановлений Пленума Верховного Суда не решает в полной мере этой задачи, так как часто акты появляются постфактум, после наработки достаточно обширной и значимой практики применения конкретных норм. К тому же, не по всем нормам имеются такие разъяснения. Конечно, возможно найти актуальную судебную практику в специальных базах, но доступ к ней зачастую оказывается платным. В Украине проблему обеспечения презумпции знания уголовного закона (его содержания) пытаются решить за счет опубликования и свободного доступа решений судов, однако проблемы доступности толкования содержания норм это в полной мере не решает.

5. В практике применения уголовного закона осознание лицом общественной опасности подменяется осознанием уголовной противоправности, которое основывается на презумпции знания уголовного закона.

6. Страны, не испытывавшие влияния социалистической традиции права, отказываются от указания формально-материального определения понятия преступления в уголовном законе, используя формальный подход – выделение категорий преступных деяний по признаку вида и меры наказания.

7. Формально-материальное определение преступления вызвано к жизни несколькими причинами: – идеей обоснования криминализации деяний по причине их опасности для общества (в отличие от административных деликтов и иных правонарушений);

– стремлением обеспечить гибкость уголовного закона за счет введения множества оценочных признаков, содержание которых может меняться в процессе правоприменения, а также введением категории малозначительности как признака деяния, не представляющего общественной опасности.

8. В самом уголовном законе нельзя найти явного обоснования причин отнесения того либо иного деяния к преступлениям, либо к категории преступлений по степени общественной опасности, то есть это указание может лишь служить неким ориентиром, выполняя воспитательную функцию, преследуя цель воспитания отторжения (неприятия) возможности совершения преступления как деяния, противоречащего обществу и ставящего совершившее преступление лицо в оппозиционный обществу статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудковська, М.Р. Суспільна небезпека як ознака поняття злочину : дис. ... канд. юрид. наук / М.Р. Рудковська. – Львів, 2017. – 187 л.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 2 июня 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. EUAM Реформування кримінального законодавства України [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://newcriminalcode.org.ua/upload/media/2020/10/21/kontrolnyj-proekt-kk-19-10-2020.pdf>. – Дата доступа: 20.10.2020.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Толстов, П.В. К вопросу о понятии экологически опасных отходов и веществ / П.В. Толстов // Вестник Российского университета кооперации. – 2012. – № 4. – С. 145–148.
6. Чемеринский, К.В. Общественная опасность как категория уголовного права / К.В. Чемеринский // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 1(80). – С. 99–104.
7. Сотсков, Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. / Ф.Н. Сотсков. – М., 2009. – 28 с.
8. Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс] : утв. 26 сент. 2000 г. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877&subID=100107735,100107737,100107741,100108027#text>. – Дата доступа: 10.10.2020.
9. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : утв. 18 апр. 2002 г. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=331268&lang=2>. – Дата доступа: 15.10.2020.
10. Серебренникова, А.В. Классификация преступных деяний по законодательству Германии, Австрии и Швейцарии и ее значение / А.В. Серебренникова // Бизнес в законе. – 2012. – № 5. – С. 41–45.
11. German Criminal Code. Translation provided by Prof. Michael Bohlander, revised and regularly updated by Ute Reusch [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html#p0091. – Дата доступа: 20.10.2020.
12. Липинский, Д.А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран / Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина // Вопросы безопасности. – 2015. – № 3. – С. 24–44.
13. Criminal Code of the French Republic/ With the participation of John Rason SPENCER QC Professor of Law, University of Cambridge Fellow of Selwyn College [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/30>. – Дата доступа: 16.10.2020.
14. Коротич, Е. Криминологическая обоснованность отдельных норм уголовного закона / Е. Коротич // Законность и правопорядок. – 2020. – № 1. – С. 44–47.
15. Хавронюк, Н.И. Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения уголовного права европейских стран [Электронный ресурс] / Н.И. Хавронюк. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280#pos=3;-111. – Дата доступа: 15.10.2020.

Поступила 28.10.2020

PUBLIC DANGER AS A DISTINGUISHING CRITERION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND CRIMES: TO THE RAISE OF THE PROBLEM

Y. PRYKOLOTINA, K. DEVYATOVSKAYA

Public danger is recognized in the doctrine of criminal law as a quality of crime, that allows to distinguish it from other offenses - first of all from administrative tort. This feature is specified in the legislative definition of a crime given in the Criminal Code of the Republic of Belarus. Nevertheless, there are doubts about the necessity and even expediency of including this feature in the legislative definition of a crime and its use in the doctrine of criminal law.

Keywords: public danger of the act, crime, administrative offence, differentiation of acts.